

Никулина Надежда Александровна

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА М. ПАВИЧА "ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ"

В статье предлагается один из возможных вариантов прочтения оригинального по форме романа-гадания известного сербского писателя Милорада Павича. Интерпретация нелинейного текста осуществляется на основе мотивного анализа и литературоведческих представлений о поэтике игры, поскольку игра формирует само событие чтения этой книги.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 28-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE MYTHOLOGICAL NATURE OF IMAGES IN G. V. DUYAKOV'S OLONKHO
“БОГАТЫРКА КЫЫС ДЖУУРАЯ” (EPIC HEROINE KYYS DZHUURAYA)

Kuz'mina Aitalina Akhmetovna, Ph. D. in Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
aitasakha@mail.ru

The article considers the mythological nature of images in the Vilyuiskaya local tradition – G. V. Duyakov's olonkho “Epic Heroine Kyys Dzhuuraya”. Olonkho as an archaic epos encompasses a strong mythological beginning, which is represented in the nature and functions of heroes, the appearance of mythological characters. The juxtaposition of heroes of the tribes *aiyyu* and *abaasy* shows the struggle between good and evil. The images of deities and spirits in the epos lost their activity in a way. G. V. Duyakov's olonkho lacks a lot of mythological characters, typical of the central epic tradition. The influence of the Russian (Christian folk) culture is also identified.

Key words and phrases: folklore; epos; olonkho; mythological nature; images; Vilyuiskaya local tradition.

УДК 821.161.1

В статье предлагается один из возможных вариантов прочтения оригинального по форме романа-гадания известного сербского писателя Милорада Павича. Интерпретация нелинейного текста осуществляется на основе мотивного анализа и литературоведческих представлений о поэтике игры, поскольку игра формирует само событие чтения этой книги.

Ключевые слова и фразы: нелинейный текст; Милорад Павич; литературная игра; роман-гадание; поэтика игры.

Никулина Надежда Александровна, к. филол. н., доцент
Тюменский индустриальный университет
nadya-nika2006@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА
М. ПАВИЧА «ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ»

В течение многих веков в литературоведении считалось, что истинная интерпретация художественного текста должна быть направлена на обнаружение и изложение значения текста, которое вложил в него автор (пример последовательного осмысления такого подхода к произведению можно найти у А. П. Скафтымова [4]). Согласно постмодернистской позиции, содержание произведения в большей мере зависит от читательского контекста, а не от власти автора, соответственно практика анализа является иллюзорным занятием, а процесс интерпретации не поддается строгой регламентации. При таких установках взаимодействие с текстом может осуществляться в ситуациях «деконструкции» (Ж. Деррида) [2] и «смерти автора» (Р. Барт) [1], в масштабах «дискурса» (М. Фуко) [5] и по законам игры.

Гипертекст, главным принципом которого является принцип нелинейности, допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя и множественность путей чтения. По сути, гипертекст представляет собой материал, идеальный для постмодернистского исследования. Тем не менее остается в числе актуальных проблема анализа и интерпретации гипертекста и вообще постмодернистского произведения в русле именно традиционной методики и дидактики. Причиной тому не только тяготение классического филологического знания к доказательности тезисов и наблюдений, не только в потребности образовательной практики в обобщениях аксиологического и аккумулятивного характера, но и в том, что современный читатель (исследователь), приступая к освоению постмодернистского произведения, не желает отказываться от привычной установки разгадать скрытый смысл, приблизиться к замыслу.

Роман М. Павича «Последняя любовь в Константинополе» – это нелинейный роман и одновременно книга-игра, в основу которой положена идея известных карт Таро. Не случаен подзаголовок: «Пособие по гаданию». С Таро связаны не только названия глав, но и их последовательность. Каждая глава романа имеет порядковый номер и название, которые соответствуют порядковому номеру и названию одной из карт колоды Таро, кроме того, глава презентуется здесь не как структурная единица книги, а как «ключ» (например, «Первый ключ. Маг» [3, с. 5]). При таких особенностях структуры текста, в соответствии с предложенной здесь инструкцией по гаданию, многовариантным становится всякий путь чтения.

Этот роман можно читать линейно (как обычный роман – от начала к концу) или в соответствии с тремя указанными способами гадания (Магический крест, Большая Триада, Кельтский крест), а также произвольно (по произвольному выбору самого читателя). Этим количеством варианты прочтения не ограничиваются, так как разные люди, гадая одним и тем же способом, выкладывают карты неповторимо. В этом и заключается

один из принципов многовариантной структуры (а также и интерпретации) этого текста. При этом элемент случайного (магического) выбора формирует роман, а одновременно с ним и жизнь читателя.

Поскольку роман М. Павича «Последняя любовь в Константинополе» может быть прочитан и линейно (и так его читает большинство критиков и литературоведов), то закономерным образом возникает соблазн описать композицию сюжета романа. Разгадать логику сюжета – это еще одна игра, которая предлагается в книге М. Павича. Череда встреч и разлук героев, побед и поражений на войнах и в любви обрастает тайными знаками, символами, мотивными узлами, но так и не складывается в единую сюжетную канву. Чёткой сюжетной линии не просматривается, но все главы романа связаны общими героями, общими мотивами и созвучиями стилистического плана. Более того, существует возможность интерпретировать особенности субъектной организации этого произведения как некую систему. Так, например, явно в романе представлено два неких лагеря, а точнее семьи: Опуичи и Калоперовичи. Здесь присутствует скорее не противоборство (как в шекспировской трагедии), а наоборот притяжение, при этом взаимоотношения, любовные и интимные, нарочито запутаны.

Примечательно, что название книги «Последняя любовь в Константинополе» нацеливает читателя на поиск любовных перипетий какого-то грандиозного масштаба: речь идет о любви «последней» (поэтому значительной, итоговой) в городе, который стал знаковым в духовных исканиях целых народов. В тексте романа мы еще раз вспоминаем о загадке названия книги Павича, когда героиня «громким шепотом» сообщает о названии спектакля (гл. «Колесо Фортуны»): «Один такой спектакль, очень грустный, называется “Последняя любовь в Константинополе” – добавила она громким шепотом, – я его еще раньше видела, в Сегедине. И плакала. Твой отец расстается там с жизнью из-за своей последней любви, когда одна женщина в Константинополе полюбила его и захотела иметь от него ребенка...» [Там же, с. 218].

Об этом спектакле упоминается вскользь, но из контекста мы понимаем, что речь идет о последней любви Харлампия Опуича, который в момент обретения последней своей любви умирает, а точнее «исчезает»: «...капитан Харламбий Опуич вместе с бокалом, который он держал в руке, бесследно исчез. Утром слуги нашли под стулом, на котором он сидел, пару окровавленных шпор» [Там же, с. 290]. Перед нами раскрывается любовь роковая, мотив любви тесно переплетается с мотивом смерти. Роковой характер ситуации подчеркивается образами бокала и окровавленных шпор, которые отсылают искушенного читателя к истории о смерти Моцарта и к мотиву войны.

Существует возможность разделить героев на группы, основываясь не только на тех чувствах, которые они испытывают по отношению друг к другу (любовь или ее отсутствие), но и на основании других мотивов. Так, в романе прослеживается не просто тема поколений, а возможность разделить мужские персонажи на героев-победителей и героев поколения «проигравших». Важно то, что в книге Павича существуют ссылки на многочисленные битвы и одновременно речь идет об одной универсальной войне, которая есть сражение с одиночеством, со смертью, с бессмысленностью существования. На наш взгляд, война в качестве элемента, объединяющего в систему персонажей книги, является выразительным намеком на эпические истоки книги и позволяет делить героев на поколения победителей и побежденных.

В романе формируются метасюжеты любви и войны, а рядом с ними не менее знаковый, чем они, мотив тайны. Главным носителем тайны среди персонажей романа является Софроний Опуич: «Он носил в себе с самого детства хорошо запрятанную большую тайну» [Там же, с. 137]. Причастность других героев к тайне указывает на то, что, подобно Софроню, любой человек носит в себе ту или иную тайну, которая многолика, разнопланова, ее природа не ясна, пути разрешения запутаны и сложны. В связи с этим следует утверждать, что некоторые гадающие на картах Таро и открывающие их смысл на страницах романа, наталкиваясь на тайну Софрония, примеряют ее на себя (игра продолжается).

Следует отметить, что тайна в романе многозначна и разнопланова, поэтому и реализуется она в различных лексических вариантах – в романе существует несколько синонимичных словосочетаний, которые по-разному отражают тот или иной оттенок Тайны: «Все это походило на легкий голод, который, как боль, сворачивается под сердцем, или на легкую боль, которая пробуждается в душе, подобно голоду» [Там же]; «Это какая-то маленькая боль под сердцем, которая плачет, как слабый голод. Или, лучше сказать, слабый голод, который ищет боль» [Там же, с. 157].

Боль, голод – образы, с помощью которых Тайна входит в жизнь героев романа. «Легкая боль» перерастает в огромную, а затем наступает момент осознания того, что никто не знает, как сделать так, чтобы эта боль ушла навсегда. На последних страницах романа Софроний испытывает нечто похожее: «И в тот же миг голод, похожий на маленькую боль, который годами рос у него под сердцем, превратился в огромную боль» [Там же, с. 288]. В итоге тайна, явившаяся человеку в мире Павича, оборачивается одиночеством и тяжким грузом. Поэтому не случайно тайна на страницах романа сравнивается с камнем: «Теперь молодой Опуич, скрывая ото всех, носил под языком камень как тайну, или, говоря точнее, – тайну как камень» [Там же]. Пытаясь разделить груз ноши, его возлюбленная Ерисена стала инициатором их поездки в Константинополь, «к той самой колонне, на которой висит медный щит» [Там же, с. 259]. Возле этой колонны человек может загадать желание, которое обязательно должно исполниться. Какое желание загадает герой? – вопрос, актуализирующий романную игру с судьбой, в которую включен и читатель.

Гадание в романе Павича связано с тайной, тайна опирается на стремление человека к счастью, счастье складывается из различных составляющих, но там всегда есть место любви и славе, а еще нужны человеку мудрость и другие люди, чтобы не бояться одиночества и знать секреты для того, чтобы иногда побеждать смерть.

Мотивный состав романа М. Павича намного шире тех мотивов и связей, которые нам удалось описать в этой статье, сюжет запутан настолько, что не поддается линейному описанию, а система персонажей напоминает загадочную паутину. Традиционный путь чтения романа М. Павича (от начала к концу, без пропуска глав) завершается попыткой раскинуть карты Таро и перечитать книгу еще раз в соответствии с получившимся раскладом. И теперь перед нами уже новая история, в которой наши личные тайны становятся частью большого романа, в котором есть любовь, есть Константинополь, есть война, есть большое желание узнавать этот мир и дальше.

Странным образом переплетаются судьбы читателей и героев книги М. Павича: герои впускают нас в свой мир и выходят из своего пространства в нашу действительность. Так у читателя появляется особенный шанс стать соавтором книги. Оказавшись на грани двух миров: реального и мира произведения – читатель и наблюдает за жизнью, пороками, ошибками героев, за развитием сюжетной линии и получает возможность одной случайностью (раскрытием карты) изменить ход жизни героев и произведения в целом. При этом, читая роман, он читает собственную историю жизни (один из ее вариантов).

Список литературы

1. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. **Деррида Ж.** Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 5. С. 121-138.
3. **Павич М.** Два романа о любви / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Азбука-классика, 2007. 315 с.
4. **Скафтымов А. С.** Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. 544 с.
5. **Фуко М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступительная статья Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд. 1994. 408 с.

THE SPECIFICITY OF INTERPRETATION OF M. PAVIC'S NOVEL "LAST LOVE IN CONSTANTINOPLE"

Nikulina Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tyumen Industrial University
nadya-nika2006@yandex.ru

The article suggests one of the possible variants of reading of the original in the form novel-divination written by the well-known Serbian writer Milorad Pavic. The interpretation of the non-linear text is based on the motivic analysis and literary representations about the poetics of the game, since the game forms the event of reading this book itself.

Key words and phrases: non-linear text; Milorad Pavic; literary game; novel divination; poetics of game.

УДК 821.161.1

В статье с позиций христианского дискурса анализируется содержание главы «Кана Галилейская» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Отмечается евхаристическая природа мистического опыта одного из главных героев этого произведения – Алёши Карамазова, чьё духовное преображение соотносится с первым чудом, совершённым Христом. Основное внимание уделяется связи литературного текста с цитатами, образами и символикой Евангелия, художественно осмысленными и организующими сюжет.

Ключевые слова и фразы: русская классика и христианство; Ф. М. Достоевский; роман «Братья Карамазовы»; духовный анализ; высшее «Я» человека; евангельская история о Кане Галилейской.

Парецкая Марина Эдуардовна
Южный федеральный университет
marinaparetskaya@rambler.ru

РЕЛИГИОЗНОЕ НАЧАЛО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)

В произведениях Достоевского, как известно, выдвинуты многочисленные психологические, морально-этические, культурные и социально-исторические вопросы. Однако религиозно-философская проблематика, то есть единая тема веры в Бога, была и остаётся главной во всём творчестве писателя, размышлявшего над вопросами веры на протяжении всей жизни и считавшего их основными не только в своей судьбе, но и в судьбах своих многочисленных литературных героев.

Благодаря этому возникает понимание писателем судеб людей с высших, религиозных позиций, а также способность к глубокому духовному анализу, просветляющему самые тёмные уголки человеческой души, поскольку Достоевским познаны законы её очищения и дальнейшего развития. Этот русский писатель стал певцом сверхсознания, которое в определённые моменты человеческого существования способно на соединение с Абсолютом. Христосознание Фёдора Михайловича Достоевского, его абсолютная любовь и всепрощение помогают живописать всё то, что происходит с человеком с позиции его высшего «Я», связанного непосредственно с Творцом.